

**A CRANE
AMONG
WOLVES**

JUNE HUR

ЖУРАВЛЬ

СРЕДИ

ВОЛКОВ

ДЖУН ХЁР

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44
Х39

June Hur
A CRANE AMONG WOLVES
Copyright © 2024 by June Hur. All right reserved.
Book design by Aurora Parlagreco

Перевод с английского А. Тихоновой

Художественное оформление А. Андреева

Х39 **Хёр, Джун.**
Журавль среди волков / Джун Хёр ; [перевод с английского А. Тихоновой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-215350-1

1506 год, Чосон. Люди страдают под жестоким правлением тирана Ёнсана. Упиваясь бескрайней властью, он отбирает у людей землю, казнит их родственников и похищает девушек из провинций.

Семнадцатилетняя Исыль пережила настоящий кошмар. Солдаты правителя убили ее родителей, но вместе с сестрой ей удалось сбежать и спрятаться. Когда по воле короля ее старшая сестра пропадает, Исыль, забыв о риске, идет на ее поиски.

Принц Тэхён провел всю жизнь в тени своего брата, вынужденный наблюдать, как Ёнсан безудержно творит зло. Принц ищет способ свергнуть короля, но для этого ему нужна помощь.

Когда судьба сталкивает Исыль и Тэхёна, они решают объединиться и отправиться в самое опасное приключение в истории королевства.

Спасти девушку. Освободить людей. Уничтожить тирана.

УДК 821.111-312.4(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Тихонова А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215350-1

*Посвящается тем,
кто не побоялся стать лучом надежды
в самые тёмные минуты жизни*

СЛОВО АВТОРА

Ван¹ Ёнсан-гун (после свержения — принц Ёнсан-гун / 연산군) правил с 1495 по 1506 год и считается самым страшным тираном в истории Кореи. Источники утверждают, что в первые девять лет правления он вёл нейтральную политику, но в 1504 году узнал, как его мать заставили в 1482 году покончить жизнь самоубийством, и, одержимый жаждой мести, начал кровавые репрессии.

Упиваясь бескрайней властью, Ёнсан-гун совершал страшные и жестокие поступки: отбирал у людей землю, чтобы устроить на ней личные охотничьи угодья, казнил родственников, убивал государственных чиновников и похищал женщин из всех провинций, обращая в своих наложниц.

Я сторонница правдивого изложения истории, со всеми недостойными и леденящими кровь деталями, поэтому в романе не умолчала ни о чём. Преступления Ёнсан-гуна были столь многочисленны, что я не могла описать их все, но имейте в виду: в этой книге поднимается немало тяжёлых тем. А именно: изна-

---

¹ В а н — титул корейских монархов.

силование (упоминание), сексуальные домогательства, женоненавистничество, похищение женщин и девочек, сексуальная эксплуатация, инцест (упоминание), физическое насилие, убийство, жестокое обращение с животными, самоубийство (упоминание), детоубийство (упоминание), психологическая травма, панические атаки.

1

ИСЫЛЬ

Июль 1506 г.

НЕ ХОДИ ДАЛЬШЕ ГОРЫ Самаксан.

Я как наяву слышала слова бабушки, призывающие повернуть назад, но не внимала предупреждению: возвращаться было уже поздно. Сосновые иголки царапали мне лицо, но я продиралась дальше по лесу, не обращая внимания на мозоли на ступнях и пропитанные кровью сандалии. Ноги, не привыкшие к долгим походам через каменные склоны, крутые обрывы и бурные реки, онемели.

«Исыль, детка, — слышала я бабушку. — Обходи те места стороной».

Я одёрнула *чогори*¹, чтобы освободиться от цепляющихся за одежду ветвей, и побрела по узкой тропе, пока передо мной не возникла башенка, возведённая у лесной поляны подобно надгробию. В граните были высечены слова:

НАРУШИТЕЛИ ГРАНИЦ БУДУТ КАЗНЕНЫ

---

¹ Чогори — распашная блуза с длинными рукавами.

Проклятый государь. Раньше земли за этой вехой принадлежали десяткам тысяч людей, но ван Ёнсангун прогнал их всех и превратил часть провинции Кёнгидо — земельные владения между Йонъином, Кимпхо, Пхочхоном и Янпхёном — в свои личные охотничьи угодья.

«Да сразят его небеса», — прошипела я и твёрдым шагом вышла на поляну.

Надо мной повисли дождевые тучи, и в воздухе чувствовалась сильная влажность. Впереди виднелась дорога, тянувшаяся через луг. А дальше, за вуалью тумана, маячили пышные зелёные горы — молчаливые наблюдатели, свидетели того, как десятки мужчин, женщин и детей навсегда пропали в этих краях. Возможно, и я здесь умру, если позволю себе забыть себя хоть на мгновение.

Я провела пальцем под мокрым от пота воротом.

Если потеряюсь, обратиться будет не к кому. Нельзя ошибиться ни с одним поворотом.

Я покопалась в своём путевом мешке и выудила нарисованную чернилами карту, чтобы в сотый раз её изучить. Мой маршрут проходил через заброшенные рисовые поля, снесённые деревни, холмы и долины, вдоль реки Ханган, и завершался у крепостных ворот столицы. Путешествие было долгое, и моё нетерпение нарастало. Суён нуждалась в моей помощи. Она ждала меня — единственную, кто мог вернуть её домой.

— Потерпи немного, Суён, — прохрипела я, шагая по пыльной дороге. — Ещё чуть-чуть осталось.

Мы со старшей сестрой пережили настоящий кошмар: солдаты правителя убили наших отца и мать,

а нас должны были изгнать на далёкий остров, но мы сбежали и спрятались у бабушки. Горе ослабило нашу и без того хрупкую связь; мы жили под одной крышей, но вели себя как незнакомки. Всё наше общение сводилось к невнятным замечаниям, произнесённым себе под нос, и взглядам искоса. Бабушка, должно быть, глазам своим не поверила, когда увидела записку о том, что я отправляюсь на поиски сестры.

Я и сама себе поразилась.

Моё сердце не принимало Суён, пока я с раздражением думала о ней как о мученице, обременённой младшей сестрой. Но за последние три дня, три страшных дня, всё изменилось. Из родственницы, вызывающей чувство горечи, Суён превратилась в моих глазах в драгоценного ребёнка, каким видели её наши родители, в девочку, которую они обожали, родившуюся после восьми долгих лет ожидания. Мама и папа окружали её заботой и любовью и дорожили ею больше, чем дюжиной сыновей. В детстве я тоже любила сестру. Она всегда была не прочь посмеяться и веселила меня так, что я визжала от хохота. Она мастерила забавных марионеток из всякой всячины и развлекала восторженную публику — то есть меня — завораживающими народными сказками. Благодаря ей в детстве мне всегда было весело.

И она, моя сестра, пропала.

Не умирай, Суён. Живи. Пожалуйста.

Я не позволила себе отдохнуть, лишь задержалась ненадолго у небольшого ручья. Я с утра ничего не ела, поскольку взяла еды всего на два дня, а уже шёл третий. Поэтому зачерпнула воды обеими руками и жадно

пила до тяжести в желудке, чтобы подавить невыносимый голод. Потом смыла с лица грязь, пот и слёзы, поднялась на ноги, опираясь на большой камень, и продолжила свой путь.

На дороге, ведущей к городку, мне попались тряпичная кукла и потерянная сандалия; ещё я увидела зелёный росток, пробившийся между камнями.

От вида опустошённого городка и стоявшей в нём жуткой тишины по коже побежали мурашки. Лианы оплетали тёмные хижины, поглощая стены и крыши. Улицы, прежде наполненные прохожими, их голосами и весельем, были давно заброшены. Родственники, соседи, друзья — все пропали. Кто сразу сбежал из провинции, кто остался защищать свой дом и погиб от руки вана и его солдат.

Наблюдает ли за мной сейчас их призраки?

«Зачем ты здесь? — спросили бы они. — Это запретные земли».

Принять правду было слишком тяжело. Я пыталась от неё отмахнуться, но на меня вновь нахлынули воспоминания о том, что произошло три дня назад, когда я всё ещё была той бессердечной и эгоистичной Исыл, не выносившей жизни под одной крышей со старшей сестрой.

Я выбежала из дома после ужасной ссоры, начавшейся по моей вине. Как всегда. «Терпеть её не могу, — прошипела я, несмотря на колющее чувство вины. — Лучше бы она умерла вместо мамы и папы!»

Всерьёз я этого не желала, но, словно привлечённый моими дурными мыслями, в нашу деревню заглянул ван Ёнсан-гун — бесчестный правитель, похищавший женщин развлечения ради: и обручённых, и замужних,

и знатных, и неприкасаемых, не делая различий. А моя сестра была прелестна, как азалия в цвету.

Вероятно, она выбежала за мной следом; я не сомневалась, что её похитил Ёнсан-гун.

— Бабушка, — прошептала я, оставляя позади городок-призрак; капли дождя барабанили по пыльной дороге, и далёкие горы окутал белый туман. — Я найду Суён. И домой без неё не вернусь.

* * *

Я брела под дождём, склонив голову против ветра. Постепенно мрак неба растаял в бледно-серый оттенок утра. Изнемогая от усталости, я мечтала лишь о том, чтобы рухнуть на землю и свернуться в комочек. Наконец к полудню вдали показалась небольшая деревенька, не заросшая сорняками. На крышах лежал толстый слой золотистой соломы, а глиняные стены выглядели гладкими и чистыми. Раздался звон колокола, а за ним из деревни послышались шум быстрых шагов и скрип колёс телеги.

Звуки жизни.

Я достала накидку, которой обычно покрывала голову, — сейчас я нуждалась в ней не из-за этикета, а для того, чтобы скрыть лицо. Чтобы никто меня не увидел и не запомнил. Мне не положено здесь быть, и, возможно, тут я не в безопасности. Крепче стиснув края накидки, я зажала походный мешок под мышкой и опустила взгляд. «Одна нога вперёд, другая нога вперёд», — повторяла я, заставляя себя идти.

На стенах висели исписанные листы бумаги, точно такие же, как в бабушкиной деревне. Я так часто их перечитывала, что помнила наизусть.

Забываясь о подданных, ван повелевает оповестить народ о том, что в этих местах появился убийца.

Помогите друг другу найти преступника...

Я насторожилась, когда на грунтовой дороге передо мной появилась запряжённая быком телега. Деревянные колёса опасно болтались на своей оси. Идущая впереди телеги женщина остановилась и посмотрела прямо на меня. Знаю, что она увидела: мрачную девушку со вздёрнутым подбородком, заносчивую на вид и в шёлковом наряде, как аристократка-янбан, но покрытую пылью и грязью.

— Извините, — глухим голосом произнесла я, уже отвыкшая от разговоров, — есть ли здесь гостиница?

Она молча показала пальцем куда-то в сторону и пошла дальше, стегнув быка, впряжённого в телегу.

Я направилась туда и вскоре оказалась перед вытянутым зданием с соломенной крышей и просторным двором, в котором толпились путники. Плотнее закутавшись в накидку, я окинула взглядом незнакомые лица. «Никому нельзя доверять, — подсказывал опыт, накопленный за последние два года. — Нигде нет полной безопасности». Я прикрыла тканью лицо, чтобы окружающие видели лишь мои глаза, сверкающие угрозой: «Не приближайтесь».

Я глубоко вдохнула, расправила плечи и вошла во двор. Торговцы разгружали товары, двое ребятишек умывались на веранде, огибавшей гостиницу. Усталые путники тихо беседовали, утоляя голод. С кухни шёл пар, и я вдохнула аппетитный аромат бульона с соевой пастой.

В желудке всё сжалось, а голова закружилась. Накопившаяся за три дня слабость взяла своё, колени подкосились, земля пошла ходуном, и я пошатнулась. В эту же минуту меня подхватила крепкая рука.

— Осторожно, — прозвучал женский голос.

Туман перед глазами рассеялся, и я увидела девушку ненамного старше меня. Роскошный парик *качхе* из блестящих чёрных кос, уложенных на макушке, украшал её, словно корона, а тёмные глаза сверкали. От правой брови по лицу тянулся шрам.

— Новая гостья... — Она так легко склонила голову набок, словно тяжёлый парик весил не больше пёрышка.

— И похоже, издалека?

— Да, — сипло ответила я и прокашлялась. — Из... На самом деле из уезда Чхунчхон. Но я назвала ближайшую деревню.

— Хм-м...

Она изучила взглядом мою одежду и окровавленные сандалии и снова посмотрела мне в глаза.

— Ты пересекла запретные земли, не так ли?

— Мне казалось, сюда приходят за горячей едой и укрытием от дождя, а не за допросами, — холодно ответила я.

— Не волнуйся, я никому не скажу, — прошептала она и перевела взгляд куда-то вдаль, где за дорогой тянулись тростниковые заросли и возвышалась каменная башня. — Все, кто путешествует через эту часть провинции Кёнгидо, выглядят так, словно побывали в загробном мире. Мне знаком этот взгляд. Как у моего отца.

Она вздохнула, и на её губах вновь заиграла улыбка.